

Н. Ю. Сухова

УЧАСТИЕ СЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА (ДРОЗДОВА) В РАЗВИТИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ XIX ВЕКА

Роль святителя Филарета в духовно-учебной и научно-богословской области столь значительна, что охарактеризовать ее даже в некоторой степени полноты не представляется возможным, тем более, в отдельной статье. Активная деятельность святителя — сначала как преподавателя и ректора академии, затем как архиерея и ревизора духовных школ — простирается от одной духовно-учебной реформы, 1814 г., до другой, 1867–1869 гг., начало которой застал святитель. Но дело не только в продолжительности его служения и активной позиции в деле образования и богословской науки. Одна из традиционных бед русского духовного образования и богословской науки — слабое использование опыта, причем как опыта предшественников, так и деятелей настоящего. Накопление этого опыта происходило чрезвычайно медленно, ибо многие конкретные явления и события не получали верной оценки, частное не отделялось от общего, и в конкретике не просматривались общие проблемы. И святитель Филарет являет собой как раз пример аналитического подхода, особенно ценного для настоящего времени. Многие проблемы, которых касался святитель в духовно-учебной и научно-богословской сфере, встают и ныне, в нашей возрождающейся и развивающейся богословской школе и богословской науке. Поэтому рассмотрение их сейчас как нельзя более актуально.

В данном сообщении обратимся лишь к трем моментам: 1) пониманию свт. Филаретом *цели, задач и структуры* высшего богословского образования, 2) отношению святителя к *методам* научного и учебного богословия, 3) отношению святителя к духовно-учебным *реформам*, а конкретно — к тем *изменениям* в духовно-учебной системе, которые отчасти начались, отчасти только намечались в последние годы его земной жизни.

1. *Свт. Филарет о цели, задачах и структуре высшего богословского образования.*

Свт. Филарет являлся одной из «ключевых» фигур духовно-учебной реформы эпохи Александра I и сделал очень много для ее правильного понимания и проведения.

Преобразование духовно-учебной системы, начатое в 1808 г., было делом новым:

А) *по изменению структуры духовно-учебной системы*: разделение ее на отдельные ступени и на духовно-учебные округа;

Б) *по сложности задач и высоте замыслов*: духовно-учебная система должна была вскоре обеспечить Русскую Церковь образованными священническими кадрами, а высшая ступень — академии должны были выполнять функции и духовно-учебных центров округов, и педагогических институтов, и духовно-научных центров, и экспертно-богословских и цензорских комиссий.

Для духовных академий это отягощалось новизной самого *типа* школы: они не *преобразовывались* из дореформенных академий, но создавались заново, «надстраиваясь» над старой школой. При этом главное понятие, поставленное во главу угла академической деятельности, — *духовная ученость (eruditio)* — было очень неопределенным. Никто точно не знал, что должна представлять эта ученость, какова точная область ее занятий, тем более — как она должна достигаться. За эту новизну и неопределенность пришлось расплачиваться:

- 1) непомерно *тяжелыми учебными программами*, пытающимися дать максимум знаний по всем преподаваемым предметам,
- 2) *спецификой «духовного преподавания»*, понимаемой то в духе мистицизма, то, напротив, в духе светского универсализма,
- 3) *зависимостью от иноконфессиональных* научных и учебных — «классических» — трудов, языка, терминологии, традиций,
- 4) *попытками* — не всегда безопасными и удачными — *привлечь академических студентов к научной деятельности*, переводам, общению с представителями иных конфессий.

Свт. Филарет (Дроздов) не имел отношения к разработке проекта духовно-учебной реформы, составленного в 1808 г., попав в столичный духовно-учебный круговорот в начале 1809 г. Пробыв менее года в должности преподавателя философии и инспектора столичной семинарии, иеромонах Филарет в феврале 1810 г. был перемещен в академию — первую, преобразованную по новому уставу, бакалавром богословия¹. Ему предлагалось сосредоточиться на преподавании церковной истории. Предмет был проблемным: и по разнообразию содержания — в него входила и библейская история, и церковная история в современном смысле; и по «граничному» положению — поручалась она бакалавру богословских наук, но не всегда просто отделялась от класса исторических наук; и по отсутствию пособий, годных в качестве «классических».

Вскоре дело осложнилось включением в состав церковной истории церковных древностей². В краткие сроки иером. Филаретом была составлена учебная программа по церковной истории и церковным древностям, с необходимыми комментариями³. Это была первая отечественная учебная программа по церковным древностям, при этом соединение древностей в одну кафедру с церковной историей определило и значение предмета, и метод

¹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: В 5 т. СПб., 1885–1888. Т. I. С. 24–26. Далее: *Собрание мнений*.

² В 1809 г., по предложению М. М. Сперанского, на кафедру еврейского языка был приглашен из Львова известный профессор Игнац-Аврелий Фесслер. Знаток восточных языков, философии, ветхозаветной герменевтики, при этом человек сложной судьбы: в его жизни были орден капуцинов, католичество, лютеранство, масонство. Проф. Фесслер, по демонстрации своей учености, получил для преподавания, в придачу к еврейскому языку, и церковные древности, а также кафедру философии. Однако весной 1810 г. конспекты проф. Фесслера, проверенные Комиссией духовных училищ, получили жесткую критику члена комиссии архиеп. Феофилакта (Русанова). Проф. Фесслер был обвинен в рационализме, пантеизме, идеализме, мистицизме. В конспекте иностранного знатока церковные древности состояли из двух частей — поэтической и драматической. После таких заявлений предмет требовал особенно тщательного продумывания, при полном отсутствии опыта его преподавания.

³ Собрание мнений. Т. I. С. 26–36.

изложения — исторический. По крайней мере, иеромонах Филарет формулировал в своей программе: «...сии предметы граничат с церковною историей, но, проходя широким путем, она не имеет времени сходиться на сии стези»⁴.

Но еще важнее другое: неопределенность структуры духовного образования и каждого предмета в отдельности побудила иеромонаха Филарета не просто составить конспект, но задуматься над местом преподаваемой науки в богословском образовании, соотношении разных составляющих этого образования, о месте и значении небогословских наук в духовном образовании.

К этим же размышлениям побудило святителя еще одно событие 1810 г.: разработка и введение первой академической «специализации». Она состояла в разделении преподаваемых предметов на основные, «коренные», и второстепенные, вспомогательные, и выделении из последних двух групп для выбора — исторической и физико-математической. Интересно то, что в этом процессе иеромонах Филарет отстоял статус церковной истории как науки основной, «коренной», хотя изначально ее собирались определить в науки вспомогательные для богословия⁵. Более того, в документы вошло обоснование, выдвинутое святителем: «история церковная принадлежит непосредственно к наукам богословским»⁶.

Однако во всей полноте взгляды святителя — тогда архимандрита — Филарета проявились, когда в 1812 г. он стал ректором СПбДА, профессором класса богословских наук и активным деятелем — сначала неофициальным, а затем и официальным — Комиссии духовных училищ (далее — КДУ). Он получил уникальную возможность: с одной стороны, участвовать в обсуждении и решении духовно-учебных дел на высшем уровне, с другой стороны — реализовывать эти решения в деятельности своей академии, видеть практические плоды и промахи, анализировать их и использовать этот опыт при новых обсуждениях. Ни структура, ни содержание, ни тем более методология отечественного

⁴ Собрание мнений. Т. I. С. 30.

⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 265. 1810 г. Л. 34 об., 38, 59–60 об.

⁶ Там же. Л. 59 об.

богословия не была в те годы достаточно определена. В рядах духовно-учебных деятелей — членов КДУ и преподавательской корпорации СПбДА — ярко проявлялось различие в понимании, что есть духовная наука и высшее духовное образование. Поэтому труды святителя имели колоссальное значение.

Свт. Филарет попытался на исходе обучения первого курса СПбДА в 1814 г. сформулировать для себя, для окончательного варианта устава духовных училищ, и провести в жизнь вверенной ему академии некоторые принципы богословского образования и науки, как он понимал их на тот момент. Отчасти эти взгляды легли в основу его сочинения «Обозрение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах»⁷, отчасти — отразились в окончательной редакции устава. Выделим несколько главных положений.

1) Главная цель духовных академий, при всем обилии и разнообразии решаемых ими задач, — высшее *богословское* образование. А это значит: несомненен примат наук богословского ядра. Это утверждение уже звучало в 1810 г., при разделении наук на коренные и вспомогательные. Однако ситуация была непроста. Духовные академии — по смыслу реформы — должны были стать высшим *педагогическим* институтом по довольно широкому спектру наук, входящих в программы духовных школ.

⁷ Обозрение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах. СПб., 1814. Работа опубликована также: Собрание мнений. Т. I. С. 123–151.

Это и было тем конспектом по богословским наукам, который должен был представить в КДУ архим. Филарет, как ректор и профессор академии. Труд был признан КДУ «полезным для сведения и некоторого руководства в преподавании православного богословия в духовных училищах вообще», отпечатан в шестистах экземплярах и разослан во все преобразованные духовные школы С.-Петербургского и Московского учебных округов. «Обозрение богословских наук» — это учебная программа, состоящая из двух частей. В первой части излагается структура богословия (порядок происхождения того или иного вида богословия и их зависимость друг от друга) и последовательность изучения его частей. Во второй части изложено само содержание различных частей богословия, методы и практические указания для их преподавания и изучения, указывается вспомогательная литература для изучения каждого вида богословия (интересно, что среди указанной литературы первое место занимает иностранная, затем — святоотеческие труды и, наконец, русская).

Обучать первый курс преобразованной Петербургской академии были приглашены лучшие специалисты в своих областях. Естественно, они старались передать студентам интерес и любовь к своему предмету и показать его важность, красоту и, главное, — подготовить профессоров по нему. Недаром профессор математики — академик С. Е. Гурьев — отказался сокращать часы по математике, аргументируя это тем, что наука сложная, и если он взялся подготовить профессоров по ней, то он не может приносить такие жертвы⁸. Студенты благодарно ответили на старание профессоров, увлеченно занимаясь не только богословием, но и другими науками академического курса.

Интересно и другое: проект Устава духовных училищ содержал загадочные слова о возможности давать академическую степень магистра не только *богословия*, но тех из *общеобязательных* наук, по которым студенты, не достигшие отличных успехов в богословии, заняли первые места. Это магистерство ниже, чем богословское, но все же — магистерство (§ 397, п. е). Подобная широта связана с начальной идеей об Академии наук, «духовному званию нужных», высказанной в проекте реформы. Однако свт. Филарет при выпуске первого академического курса строго установил: не показавшие в богословии *довольных* успехов, даже при отличных результатах по прочим наукам, не должны получать не только степени магистра, но и кандидата богословия, а выпускаться в звании действительного студента. Студенты, непомерно увлекшиеся математикой, были выпущены из академии в звании студента, без всякой ученой степени⁹. «Бесстепенной исход» для «чересчур усердных математиков» означал, что они неверно

⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 265. Л. 62–63 об. Гурьев Семен Емельянович (1766–1813) — русский математик и механик, академик Петербургской АН (1798), Российской АН (1800). Труды по геометрии, математическому анализу, механике.

⁹ Эти 11 «оставленных в звании студента» вообще не приводятся в списке выпускников у И. А. Чистовича, но в архивных документах они есть: РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1171. 1814 г. Об отчете Комитета для испытания студентов и о разрядном списке первого выпуска академии. Приводит их и А. Родосский: Списки первых XXVII курсов С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1907. С. XXXIII–XXXIV. Но усердие этих выпускников не прошло бесследно: один из них — А. Е. Покровский — был затем, правда, недолго, профессором математики в МДА, другой — Я. Магницкий — стал известным автором учебников по арифметике.

поняли задачу своего учения. Свт. Филарет всегда совершенно определенно выражал студентам свой взгляд на задачи академического образования: «Нужно единство и усиление направления, соответственного их назначению и достоинству академии»¹⁰, а назначение это — духовное служение и богословская образованность. Все прочие науки академического курса должны быть поставлены так, чтобы и студентам ясна была их вспомогательная роль: либо эти науки лишь оснащают орудиями для богословского познания (языкознание, словесность, гражданская история), либо дают «естественное познание о Боге», которым следует утверждать веру в свет Откровения, помня при этом, что это лишь «светильник при солнце» Откровенного Богословия¹¹. Таким образом, каждый студент должен был понимать, что он получает по преимуществу богословское образование, но при этом быть готовым преподавать, причем на хорошем уровне, любые науки духовно-учебного курса, в том числе и математику, и словесность, и гражданскую историю. Но такая гармония давалась с трудом, и «проблема небогословских предметов в академическом курсе» становится актуальной на ближайшее столетие.

Заметим, что свт. Филарет отнюдь не умалял значение преподаваемых в академии словесности или математики. Напротив, часто в ревизорских отчетах святитель отмечал, как лучших, профессоров и бакалавров именно этих наук¹². Но они должны были правильно понимать задачи высшей богословской школы, главная из которых — ее целостность и единая устремленность к вершинам богословского ведения.

Учебный курс при окончательной редакции устава в 1814 г. был сокращен до четырех лет и получил более четкую структуру:

¹⁰ Речь свт. Филарета приведена у И. А. Чистовича: *Чистович И. А.* С.-Петербургская духовная академия за последние тридцать лет. 1858–1888. СПб., 1889. С. 25–26.

¹¹ Обзорение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах. СПб., 1814. С. 2.

¹² В отчете о каждой ревизии МДА, проводимой каждые два года и почти всегда — архимандритом, епископом Филаретом, — отмечаются с самых лучших сторон преподаватель философии прот. Ф. А. Голубинский и преподаватель математики прот. П. С. Делицын. См.: *Собрание мнений.* Т. II. С. 54–55; Т. III. С. 418–419.

два двухгодичных курса, первый — философский — по преимуществу был ориентирован на общее образование, второй был богословским. Некоторые историки академий видели в этом влияние древних богословских училищ: первый круг обучения — огласительный, общий, второй — для посвященных — ведет познающего к глубинным тайнам богословского знания¹³. Эта разделенность философского и богословского курса отстаивалась, как наилучшая, ректором МДА прот. А. В. Горским и при обсуждениях проекта устава 1869 г.¹⁴ Но постановка занятий в философском классе вызывала вопрос: должно ли превратить его лишь в *педагогический* класс по *небогословским* предметам, или ставить более серьезную задачу — самостоятельного развития наук на уровне высшего учебного заведения. Первое было недостаточно для академических наук, второе — плохо вписывалось в академический режим. Кроме того, при развитии богословия возникли новые проблемы: богословские науки — сложные и основные для духовного образования — «не умещались» в одном отделении. В младшем же отделении студенты порой забывали о своем истинном направлении, увлекшись высотами философии, изяществом словесности или глубинами математики. Этого боялись, с этим боролись, иногда довольно жестко.

2) Структура богословского курса.

В «Обзрении богословских наук» свт. Филарет (в 1814 г. — архим.) рассматривал старые богословские системы, изучаемые в дореформенных академиях, и «строение видов и частей Богословия» (*Architectonica Theologica*). Система свт. Филарета практически не отличалась от богословских курсов, предложенных Комитетом 1807–1808 гг.¹⁵ или проектом устава духовных академий, составленном М. М. Сперанским в 1809 г.

¹³ *Соллертинский С. А., прот.* Опыт исторической записки о состоянии С.-Петербургской духовной академии по случаю столетнего ее юбилея. 1809–1909. СПб., 1910. С. 6.

¹⁴ *Горский А. В., прот.* Дневник. М., 1885. С. 185.

¹⁵ Начертание правил о поправлении духовных училищ. § 83. «Учение богословское во всех его отделениях» состояло из: догматического, нравственного и полемического богословия, герменевтики и гомилетики, канонического и церковного права Греко-Российской Церкви. См.: РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. 1814 г. Л. 55.

Это естественно, ибо такой состав богословия отражал современный составителям курс лучших русских духовных школ. Однако свт. Филарет постарался проанализировать эту структуру (*Architectonica Theologica*), показать логику выделения отдельных частей, их взаимосвязь, намечая тем самым пути дальнейшего изучения и развития богословской науки.

В едином курсе академического богословия свт. Филарет выделяет семь разделов: чтение Священного Писания, богословие толковательное (*Hermeneutica*), созерцательное (*Dogmatica*), деятельное или нравственное (*Practica*), обличительное (*Polemica*), собеседовательное (*Homiletica*) и правительственное (*Jus Canonicum*)¹⁶. Свт. Филарет рассматривает историческое богословие, как альтернативное изложение слова о Боге, но сам предпочитает изложение систематическое. В дальнейшем в духовных академиях историческое изложение получило большую признательность.

Выделим основные положения системы преподавания, предложенной в «Обзрении»:

а) Важность чтения Священного Писания и понимания его истинного смысла, по оригинальному изложению и лучшим изъяснениям святых отцов. Поэтому: Св. Писание должно преподаваться на протяжении всех четырех академических лет, и читать следует подлинники, то есть еврейский и греческий тексты.

¹⁶ Совершенное богословие разделяется на толковательное, составительное и применительное. Составительное богословие может следовать или хронологическому порядку, излагая, каким образом единое слово о Боге открывалось в разных видах (богословие историческое), и тогда его можно разделить на богословие пророческое, прообразовательное, символическое и отеческое; или излагать истинное слово о Боге «в разделении и союзе частных истин» (богословие учительное всеобщее). Свт. Филарет берет за основную систему изложения богословие учительное всеобщее, то есть не историческое, а систематическое изложение, и разделяет богословие учительное всеобщее на положительное (*Theologia Positiva*) и отрицательное, или обличительное (*Negativa, alias Polemica*). Положительно слово о Боге обращено к уму и к воле, этому соответствует богословие созерцательное (*Dogmatica*) и деятельное (*Practica*). Богословие применительное имеет в виду общество богопочитателей, как учеников, как членов единого тела Церкви, как духовную паству — этим занимается богословие собеседовательное (*Homiletica*), правительственное, или право каноническое (*Jus Canonicum*) и богословие пастырское (*Theologia Pastoralis*).

б) Догматическое богословие — положительное — должно быть главной наукой. Полемическая часть, хотя и нужна студентам, не должна обращать на себя преимущественного внимания: «Слово Божие не состоит в прениях и умствовани-ях человеческих».

в) Нравственная часть — деятельное богословие — напротив, должна сколь можно более быть усилена, в том числе и в практическом направлении: составлении студентами рассуждений на данные им темы.

г) Каноническое право православной Церкви требует особого внимания, ибо менее всего разработано¹⁷.

д) Еще раз подчеркнута принадлежность церковной истории и церковной словесности к богословским наукам.

Заметим, что богословие отеческое (*Patristica*) даже свт. Филарет, при всем понимании значения святоотеческого наследия и уважении к нему, не включает в общий курс богословия в качестве самостоятельной составляющей: лишь один из разделов церковных древностей. Эта традиция очень долго препятствовала твердой постановке патрологии в русских духовных школах, даже при выделении ее в особый предмет.

Наконец, свт. Филарет дает несколько правил построения обучения в высшей духовной школе:

А) образ преподавания должен быть не только излагательный, но и собеседовательный,

Б) слушающих следует вводить самих в исследование и суждение вопроса, прежде «открытия» верного мнения,

В) «неослабно» требовать на уроках отчетов, причем требовать не просто ответа на вопрос, но показывать отношение этого вопроса к «целости науки»,

Г) и — главное: предаться самой истине всем духом и жизнью, взывая во всяком недоумении и познании к Духу Истины¹⁸.

Свт. Филарет, оценивая значение устава 1814 г. для русского богословского образования, через 13 лет после его оконча-

¹⁷ Устав духовных училищ 1809 г. Часть I. § 137–142 (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 1. Л. 63–64 об.).

¹⁸ Собрание мнений. Т. I. С. 150–151.

тельного утверждения, выделял основное отличие до- и после-реформенного его состояния: «Богословия была преподаваема только догматическая, по методе слишком школьной. Отсюда знание слишком сухое и холодное, недостаток деятельной назидательности, принужденный тон и бесплодность поучений... При преобразовании 1814 г. введено преподавание деятельной богословии; таким образом, богословское учение сделалось ближе к употреблению в жизни»¹⁹. Как понимал святитель «деятельную богословию» — об этом еще будет сказано.

2. Свт. Филарет о методах научного и учебного богословия.

В области *методической* творчества академических богословов в первой половине века было направлено:

- 1) на преодоление прямой зависимости от западного — иноконфессионального — богословия,
- 2) на придание богословию «жизненности», доступности, то есть, преодоление схоластических уз.

О «научности» богословия говорили много, но единого представления об этом не было: кто-то связывал ее со старым западным богословием, кто-то пытался встать на почву науки «настоящей», вводя историко-критические и филолого-критические методы.

Взгляды святителя в этих вопросах не так просты. С одной стороны, он трезво сознавал необходимость использования западных богословских учебников и ученых сочинений и в своем «Обозрении богословских наук» рекомендовал по каждой части богословия католические и протестантские сочинения. Святитель понимал также, что труды русских богословов начального периода неизбежно будут представлять собой лишь переосмысление трудов западных ученых в православном духе. Знаменитое «Начертание церковно-библейской истории»²⁰, составленное

¹⁹ Собрание мнений. Т. II. С. 208.

²⁰ Начертание церковно-библейской истории, в пользу юношества, обучающегося в духовных училищах. Изд. 2-е, испр. СПб., 1819.

свт. Филаретом еще в бытность его ректором СПбДА, обвиняли в сильной зависимости от церковно-исторического сочинения лютеранского богослова Буддеуса (или Буддея)²¹, называли даже кратким его пересказом. Но в 1828 г. святитель довольно резко оценил статью своего бывшего ученика по СПбДА о. Герасима Павского, напечатанную в «Христианском чтении»: «Мне кажется, что издатели немецкое кушанье, не разжевав, глотают»²². И дело, видимо, не только в различии иностранных авторов, которыми пользовались свт. Филарет и о. Герасим, как предполагают некоторые исследователи²³. Главная беда, по мнению святителя, в том, что «глотают», «не разжевав». При этом в отношении о. Г. Павского святитель чувствовал особую ответственность: те промахи, которые он замечал в своих бывших учениках, ему следовало выправлять.

Однако святитель всегда подчеркивал, что перспектива русского богословия — в преодолении этой зависимости, создании собственных православных, более естественных, богословских систем, русской научной богословской терминологии, оснащении самостоятельными учебными пособиями. Попытка устава 1814 г. активизировать богословскую мысль «практическим» богословием приводила к изменениям, но очень медленно²⁴.

Два насущных вопроса стояли перед высшими духовными школами в 1820–1830-е гг.: 1) на каком языке преподавать, 2) по чему преподавать, то есть используя западные «классические» книги или собственные записки. Если лекции по Священному Писанию читал по-русски сам свт. Филарет в СПбДА в 1812–1819 гг., а затем и его ученики, то в догматике долго не оставляли латыни.

²¹ Historia ecclesiastica Veteris Testamenti. Halae Magdeburgicae, 1709, 1715, 1720. Joh.-Franz Buddeus (1667–1729) — профессор философии в Галле, затем профессор богословия в Иене.

²² Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1869. Т. I. С. 57.

²³ Объяснительная статья Н. К. Никольского к изданию «Христианского учения в краткой системе» прот. Г. П. Павского. СПб., 1909. С. 145.

²⁴ См. рассуждение свт. Филарета (Дроздова) в письме графу В. П. Кочубею от 11 декабря 1827 г. о введении «деятельного богословия», как отличительной черте реформы 1808–1814 гг.: Собрание мнений. Т. II. С. 208–209.

В СПбДА с 1819 г. ректор архим. Григорий (Постников), сменивший на этом посту свт. Филарета, повел активную борьбу за преподавание богословия на русском языке, причем особое значение он придавал самостоятельно составленным лекциям, более живым и понятным. Архим. Григория обвиняли в упрощении академического богословия. Но свт. Филарет, при ревизии СПбДА в 1819 г., высоко оценил рукописные лекции ректора по разным разделам богословия и рекомендовал их, при соответствующей обработке, издать²⁵. Латынь удалось существенно потеснить: в заседании КДУ 30 августа того же 1819 г., заслушав одобрительный отзыв архиеп. Филарета (Дроздова), академическим правлениям было разрешено позволять преподавание богословия в духовных академиях и на латыни, и на русском языке, по усмотрению ректора²⁶.

Однако в 1825 г. ситуация неожиданно изменилась: было принято решение о возврате к строгой латыни в преподавании богословия и обязательным латинским «классическим книгам», с запрещением пользоваться преподавателям самостоятельными записками. Разумеется, это событие неотделимо от всей непростой ситуации середины 1820-х гг.: падением Двойного министерства, критикой Библейского общества. Но был здесь и специфический момент, относящийся непосредственно к учебному богословию. Один из инициаторов, член КДУ, Киевский митр. Евгений (Болховитинов) сформулировал свою позицию наиболее четко. Он считал удобнейшим преподавание по старым классическим книгам по трем причинам: 1) записи лекций отягощают студентов, 2) составление лекций отнимает у преподавателей время, которое можно употребить на занятие наукой, и 3) чаще всего конспекты начинающих преподавателей примитивны, однобоки, — лишь в дальнейшем, при усиленной разработке науки, могут складываться серьезные научные системы. Сначала следует достичь достойного уровня в самостоятельной науке, построить систему, определить в ней точное место и значение каждого вопроса, а затем уже учить по этой системе студентов. Школа должна быть

²⁵ Собрание мнений. Т. II. С. 4–6.

²⁶ Собрание мнений. Т. II. С. 5–7.

ограждена от случайностей, не продуманных до конца и не проверенных временем выводов.

Но свт. Филарет этой позиции не разделял. По его мнению, «начался обратный ход, от общевразумительного учения к схоластицизму»²⁷, и он не оставил своего мнения о преподавательском творчестве. В 1826 г., через год после запретительного указа, составляя отчет о ревизии МДА, проведенной им по поручению Синода, он особо отметил: «...богословие догматическое и преподано, и в конспекте означено, и на испытании представлено, сначала на русском языке, а далее на латинском. Предложенное на русском преимуществует порядком и ясностью изложения. Предложенное на латинском, вероятно, по действию классической книги, более ознаменовано сухим и маловразумительным языком школы, нежели силою истины общевразумительной и общепользительной»²⁸.

Но, настаивая на необходимости преподавания богословия на отечественном языке, для философии святитель считал не только допустимой, но и наиболее приемлемой латынь²⁹.

Новое латинское пленение русского богословия было недолгим и не строгим: оно нарушалось и сразу после 1825 г., а уже в начале 1830-х гг. во всех академиях богословие читали в основном на русском языке. Но, видимо, в силу привычки и для успокоения ревизоров, конспекты к экзаменам по богословским наукам вплоть до конца 1830-х гг. представлялись латинские, даже таким ярким и самостоятельным лектором, как ректор КДА архим. Иннокентий (Борисов), знаменитый будущий архиепископ Херсонский³⁰. В 1837 г. КДУ было дано официальное разрешение читать лекции по своим конспектам и на русском языке.

Свт. Филарет всячески поощрял в преподавателях не только самостоятельное составление «записок», но и доведение их путем постоянного совершенствования до уровня, достойного

²⁷ Собрание мнений. Т. II. С. 209–210.

²⁸ Собрание мнений. Т. II. С. 141–142.

²⁹ Собрание мнений. Т. II. С. 143.

³⁰ *Мальшевский Ив.* Историческая записка о состоянии Киевской духовной академии в истекшее пятидесятилетие // Труды Киевской духовной академии. 1869. № 11–12. С. 95.

печати. Однако здесь святитель был строг — многим казалось, что слишком. Через его строгую цензуру могли пробиться немногие. Приведем примеры.

1) В 1834 г. святителя попросили высказать свое мнение об учебных богословских книгах, написанных прот. Герасимом Павским для наследника престола, законоучителем которого был о. Герасим³¹. Оставив в стороне интриги, сопровождавшие это событие, участие в нем двора, митр. Серафима (Глаголевского), кн. А. Н. Голицына и др., популярный в свое время вопрос о противопоставлении монашеского и не-монашеского круга церковных деятелей³², обратимся к богословской полемике. Свт. Филарет нашел в сочинениях много опасных недочетов, нечеткость определений, неполноту³³. Прот. Герасим говорил, что он не собирался дублировать «Катехизис», но пытался приспособить догматическое учение к детскому сознанию, при взрослении которого будет пополняться и догматическое знание. Именно так он понимал «жизненность» богословия, его доступность и близость. Но святитель возражал: неполнота и нечеткость в догматическом научении, тем более, ребенка,

³¹ «Христианское учение в краткой системе» и «Начертание церковной истории». Павский Герасим Петрович (1787–1863) — прот., богослов, филолог, гебраист. Первый магистр I курса преобразованной СПбДА, бакалавр, затем профессор еврейского языка (1814–1835), первый профессор богословия С.-Петербургского университета, законоучитель наследника престола (1826–1835).

³² Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 113. 1902. С. 138; Объяснительная статья Н. К. Никольского к изданию «Христианского учения в краткой системе» прот. Г. П. Павского (СПб., 1909. С. 115).

³³ Например, прот. Герасим определял «человека благочестивого, религиозного, богобоязненного» как «человека, одушевленного чувствами веры, надежды и любви и показывающего стремление к святости». Святитель возражал: тогда раскольники, сжигающие себя, — именно такие благочестивые и богобоязненные. О. Герасим относил к числу «язычников» «все... народы, не просвещенные свыше». Святитель возражал: не все, магометане — не язычники. Более веские обвинения — в неполноте изложения христианского учения. Про Иисуса Христа «не сказано, что Он Искупитель и Спаситель грешных», про пророков — что они «предвещали о рождении Иисуса Христа от Девы и о Его спасительных страданиях». Не дано определенного учения о грехопадении. Упомянуто лишь «одно имя таинств», но ничего не сказано ни об одном из них. См.: Собрание мнений. Т. II. С. 350–358.

грозит ущербным сознанием, искажением мировоззрения, религиозного видения. А ущербные взгляды в богословской области нередко приводили в истории Церкви к ересям. Для прот. Герасима это окончилось удалением от двора.

2) В 1844 г. гр. Пратасовым были посланы свт. Филарету «конспекты» по догматическому богословию бакалавра СПбДА иером. Макария (Булгакова). Святитель не одобрил ни структуру курса, ни терминологию³⁴. Было отмечено и латинское влияние — в различении, например, «формы» и «материи» в таинствах. Но иером. Макарий был из упорных «ревнителей». После критики он основательно перестроил свой курс, стараясь довести его до возможного совершенства. В 1847 г. он издал свои лекции по этому курсу под заглавием «Введение в православное богословие», за которые получил степень доктора богословия.

3) В 1830-е гг. Синод неоднократно возлагал на СПбДА и МДА поручения по переводу святоотеческих творений и пересмотру имеющихся переводов. В процессе работы в МДА оформилась мысль об издании непрерывной серии «Творений святых отцов в русском переводе», и в 1835 г. проект был представлен свт. Филарету. Однако около 6 лет святитель не давал одобрительного ответа: «Печатать переводы святых отцов дело весьма хорошее, полезное и достойное всякого поощрения. Но искрошить каждого святого отца на части, потом смешать всех и таким образом печатать — не знаю, похвалите ли это и вы, хотя таков почти весь ваш проект». Наконец, переработанный проект был представлен в Синод, в начале 1841 г. было разрешено начать подготовку, и с 1843 г. издание серии началось с выпуска трудов свт. Григория Богослова. Не менее интересно было новое начинание своими «Прибавлениями», в которых печатались

³⁴ В петербургском курсе на первом месте, например, стоял раздел «О святой вере и Церкви вообще», а свт. Филарет считал наилучшим и самым естественным порядком Символа веры, ибо «Вселенский символ есть не иное что, как сокращенная система догматического богословия», «система вселенских отцов», «апостольского предания», а не западной школы с ее поздним мудрованием. Кроме того, как можно читать о Церкви Христовой, не изложив сперва учение о Христе Боге.

оригинальные труды академических преподавателей научно-богословского характера³⁵.

Столь же строго относился святитель и к прочим изданиям: академическим переводам творений святых отцов, магистерским сочинениям, представляемым в Синод, любым другим научным и учебным сочинениям, поданным ему на отзыв³⁶. Плоды академической науки, предъявляемые на суд общества, должны быть, по возможности, безупречны: и к доброй славе академий, и к сохранению общества от соблазнов и добром его назидании. Так же критически святитель относился и к своим сочинениям, охотно представляя их на суд других. «Катехизис», к которому были предъявлены претензии — не только в русском языке библейских цитат, но и в недостаточном внимании к важности Предания, — святитель дважды переделывал.

Но эту строгость святителя неоднократно считали одной из причин того, что мало публикуется научных статей и монографий преподавателей и студентов МДА. Иногда — проявлением той общей сдерживающей силы, которая не дает русскому богословию ни свободно развиваться, идти на смелые эксперименты и исследования, ни стать популярным в обществе.

Однако мало кто ревновал о русском богословии так, как святитель Филарет.

Так, по благословию свт. Филарета проф. МДА А. В. Горский и выпускник ее К. И. Невоструев осуществили в 1849–1862 гг. научное описание Синодальной библиотеки,

³⁵ Корсунский И. К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской духовной академии. Сергиев Посад, 1894. См. также: Смирнов С. История Московской духовной академии. М., 1870. С. 116–120.

Результативность этого начинания побудила ректора СПбДА с 1847 г. архим. Евсевия (Орлинского), бывшего перед тем ректором МДА, преобразовать старейший академический журнал «Христианское чтение» по примеру московского, то есть печатать там переводы творений святых отцов и церковных писателей не отрывками, а в цельном виде. См.: Чистович И. А. С.-Петербургская духовная академия за последние тридцать лет. 1858–1888. СПб., 1889. С. 68–69.

³⁶ С 1828 г. (VI курс) в МДА были предприняты «опыты» печатания — по решению КДУ и под ответственностью академической конференции — лучших проповедей и рассуждений богословского и церковно-исторического характера студентов.

давшее направление новым исследованиям, особенно в славянской библеистике³⁷.

Действительно, отношение святителя к научно-богословскому творчеству было не столь просто. Но и ситуация с русской богословской наукой была сложна. С одной стороны, желание быстро поднять богословскую науку на современный европейский уровень делало неизбежным использование западных научных методов и иноконфессиональных богословских сочинений. С другой стороны, не хватало опыта, чтобы четко отделять профессиональные особенности, которые могут быть опасны или просто неприемлемы для православного богословия. Не была разработана и введена в оборот православная источниковая база, славянские и русские источники. Не был разработан самостоятельный богословский понятийный аппарат, терминология. Поэтому попытки отмежеваться от протестантских влияний приводили порой к использованию схем и тенденций католических, и наоборот. Объявленная борьба с влиянием западной схоластики теоретически подразумевала возврат к святоотеческому богословию и введение в оборот святоотеческого наследия. Однако введение святоотеческих текстов в научно-богословский оборот и, тем более, построение самостоятельных богословских теорий в духе святоотеческого предания и православного понимания требовали значительного времени и трудов не одного поколения отечественных богословов.

3. Отношение святителя Филарета к духовно-учебным реформам 1855–1867 гг.

Эпоха преобразований конца 1850–1860-х гг. не оставила в стороне и духовно-учебной системы. Новые веяния, охватившие

³⁷ Святитель был встревожен намерением светских писателей — Ундольского и Погодина — заняться этим. Свт. Филарет держался мнения, что описание церковных памятников и их исследованием должны заниматься люди, сведущие «в церковных догматах и законоположениях», «под ближайшим надзором духовного начальства», иначе «употребление древних рукописей, относящихся до церковных догматов, церковного законодательства, учения и церковной истории может произвести соблазн и дать пищу лжеучениям». Церковный же взгляд откроет и внесет новые черты, полезные для церковной учености. См.: Собрание мнений. Т. дополн. С. 277–285.

общество, в том числе и церковное, науку, в том числе и богословскую, предлагали новые формы, нарушавшие привычные традиции. Необходимо было каждое реформаторское предложение рассматривать особо, оценивая не только предполагаемую пользу, но и возможную опасность.

Для изменения духовно-учебных уставов, по мнению свт. Филарета, нужны были серьезные основания, причем не внешние, но внутренние³⁸. Были ли они?

Проблемы в конце 1850-х гг. одолевали духовно-учебную систему. Преподаватели и студенты изнемогали под тяжестью многопредметности. В богословской науке отсутствовали серьезные научные исследования практически по всем областям богословия, что приводило к печальному выводу: в русской богословской науке нет специалистов. Идеи изменений «носились в воздухе», высказывались самые радикальные предложения.

В 1857 г. митр. С.-Петербургским Григорием (Постниковым) была составлена записка о необходимых, на взгляд столичного преосвященного, изменениях в духовном образовании. Митр. Григорий передал свой проект на рассмотрение в конференцию СПбДА, затем — свт. Филарету, с просьбой сообщить свое мнение. Московский святитель на некоторые вопросы смотрел иначе, чем его бывший ученик, и составил свой проект. Митр. Григорий, совместив оба проекта, представил результат 4 марта 1858 г. на рассмотрение Св. Синода³⁹.

³⁸ Еще в 1837 г. в проекте министра народного просвещения С. С. Уварова о соединении приходских и уездных духовных училищ со светскими было замечено, что духовные школы являются единственными учреждениями, не испытывавшими такое долгое время (с 1809–1814 гг.) никаких преобразований, и духовно-учебные уставы обвинены в неподвижности и стереотипности. Свт. Филарет (Дроздов), в своем мнении по поводу предлагаемого проекта, высказал сомнение в необходимости частого изменения учебного устава для успеха наук, особенно духовных: «...религия вечная, особенно взятая не в приговорительном состоянии, в каком она была во времена Ветхого Завета, но в совершенном раскрытии, в каком она является в Новом Завете, Церковь, основанная на неподвижном камени веры, догмат неизменяемый, не могут ли безвинным образом дать духовному учению и духовно-учебному устройству более постоянства, нежели сколько находит позволительным светский взгляд?» См.: Собрание мнений. Т. II. С. 388.

³⁹ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 676. Л. 1–14.

Свт. Филарет был против резких преобразований. Он находил, что достаточно усилить власть преосвященных на духовно-учебные заведения и уничтожить нововведения, искажившие устав 1814 г., провести частичную децентрализацию, в пользу епархиальных архиереев, а это не требует масштабной реформы⁴⁰.

В учебной же части достаточно: 1) внести некоторые изменения в порядок преподавания наук в академиях, 2) определенным образом подкорректировать содержание и методику преподавания отдельных предметов, 3) придать светским наукам в академиях вид, соответствующий их положению в духовной школе, т. е. привести в соответствие с богословской направленностью образования, 4) усовершенствовать саму академическую систему обучения, как высшего образования, 5) наконец, самое главное, — организовать систему, ведущую к обладанию воспитанниками духовных академий «специальной ученостью», но при этом не приносить в жертву полноценное всестороннее богословское образование.

Как это привести в исполнение?

Многие замечания святителя повторяли его же указания 1814 г. Это показывало, что задачи, поставленные реформой 1814 г., выполнены не до конца, — и есть резерв, который можно использовать и без кардинальных изменений⁴¹.

⁴⁰ Письмо митр. Григория к свт. Филарету от 31.05.1860 // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. 1885. Т. I. С. 198.

⁴¹ Несмотря на все усилия сделать богословие «деятельным», оставалась проблема его отвлеченности и теоретичности, в то время как необходимо указывать практические решения ситуаций, «которые могут смущать христиан и затруднять пастырей». Церковному законоведению необходим более практический характер. В церковной истории необходимо написать хороший учебник по истинным источникам. В философском классе наук надо изменить состав: если при введении устава 1814 г. предлагалось более внимания уделять истории философии, нежели систематическому ее изложению, то теперь необходимо вновь ввести в академические программы метафизику, ибо «история новейших философских систем не безопасна для молодых умов, если не будут предохранены систематическим изложением твердых начал здоровой философии». Замечания о характере преподавания в академиях не несут ничего принципиально нового: все было высказано в той или иной степени в документах 1808–1814 гг. Но реальность отрезвляла: вновь надо было говорить о вреде буквального изучения предметов, о необходимости более полагаться не на память студентов, а на разумение, о том, что упор надо делать не на

Определенную новизну имеет обсуждение развития «богословской учености». Преосвященный Григорий предлагал ввести «специализацию» самостоятельных домашних практических занятий студентов — выполнять упражнения и писать сочинения по одному или двум предметам, «к каким больше имеют склонности». Однако свт. Филарет был менее склонен менять систему. Специальные занятия избранными науками можно позволять лишь избранным, и под строгим контролем, иначе это может грозить упадком знания в прочих науках. Более надежным путем к приобретению специальных знаний свт. Филарет считал побуждение наставников академий и семинарий разрабатывать преподаваемые науки. Именно научное и учебно-методическое совершенствование преподавательской корпорации, специализация профессоров может привести к положительным сдвигам академического обучения. Хорошо было бы сделать из корпораций общества «ученых мужей». Но как? «Монашествующих долго не держат при академиях» (ибо замещают ими ректорские места и епископские кафедры), «светские же занимаются наукою, пока не женятся». Святитель предлагал систему формирования сословия «ученого монашества», но действительно как ученого, а не как кадров для архиерейства: «...академические кафедры замещать монашествующими, и те из них, которые окажутся способными и опытом засвидетельствуют свою ревность в науке и духовной учености, оставлять при академии навсегда для трудов ученых»⁴².

Кардинальные же изменения духовно-учебных уставов не могут существенно повысить успешность духовных школ: «...Недостаток не столько в Уставе училищ, сколько в исполнителях. Ректоры слабо смотрят за учением и поведением, а архиереи недовольно ревностны, от которых первый есмь аз... Мне кажется, нужнее поощрять и наставлять людей, нежели переписывать уставы...»⁴³.

количество заученного, а на творческое саморазвитие. Такой методики, по мнению свт. Филарета, академиям так и не удалось выработать в должном виде. См.: ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 676. Л. 15, 16, 21; РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 705. Л. 4–5.

⁴² ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 676. Л. 29–30.

⁴³ Письмо свт. Филарета к архим. Антонию от 09.03.1859 // Собрание мнений. Т. IV. С. 171. Интересно, что этот отзыв в целом созвучен отзыву митр.

Оценивая реальную ситуацию, свт. Филарет видел причины не ломать безоглядно то, что существует, и пойти по пути усовершенствования, учитывая следующие обстоятельства:

1) реальные достижения академий показали жизнеспособность системы духовного образования 1814 г., она была задумана и построена, как совершенствуемая в соответствии с современными запросами общества и науки; совершенствование же методов преподавания, корректировка учебных планов и программ не подразумевает радикального преобразования;

2) негативные явления в духовной школе и богословской науке — многопредметность, отсутствие специальных научных исследований — являются не выявлением порочности устава, но следствием его неполной реализации и непродуманных изменений, и их разумная гармонизация с положениями устава может привести к существенным улучшениям;

3) духовная школа, по своей сущности и предмету занятий, имеет особые основания сохранять стабильность; при этом она должна оставаться *школой*, дающей полноценное образование, под постоянным контролем за успехами и направлением мыслей; и школой духовной, с единством учебно-воспитательного процесса, в православно-церковном духе;

4) специализация в конкретных областях богословия должна совершаться в пост-школьный период, зрелым умом, способным к самостоятельному мышлению и оценкам;

5) единственный путь повышения уровня высшего духовного образования и развития богословской науки — в создании условий для научной и педагогической богословской специализации академических преподавателей и их совершенствования в этом направлении.

Платона (Левшина), в свое время — в 1806 г. — так же настороженно отнесшегося к разрабатываемой в те годы духовно-учебной реформе. Хотя и митр. Платона трудно было обвинить и в недостатке ревности к духовному образованию, и в нежелании применять все допустимые методы для его совершенствования. Возможно, архипастырский опыт убеждал московских святителей в том, что резкое введение новых идей, не подкрепленное достойными кадрами, пониманием этих идей и готовностью их осуществлять со стороны практиков-преподавателей не может принести полного успеха.

Насущной проблемой всех духовных школ, в том числе и академий, оставалась проблема финансовая. В 1865 г., по инициативе свт. Филарета, было проведено некоторое повышение окладов служащих в духовно-учебных заведениях, в частности в академиях, из местных средств⁴⁴.

Эпоха бурных изменений побуждала искать новые формы просветительской деятельности академий, богословствования вне школьных стен. Однако расширение внеакадемической просветительской деятельности, как преподавателей, так и студентов, свт. Филарет не всегда признавал полезным.

В 1859 г. студенты МДА, под влиянием широкого обсуждения вопроса о значении воскресных школ в нравственном и духовном воспитании народа, хотели открыть при академии такую школу для мещанских детей Сергиева Посада. Свт. Филарет воспротивился этому: не отрицая значения школ для народа, он считал, что заниматься этим должны приходские священники, но никак не студенты академий. Студенты не имеют для того времени, ибо лучше употребить его «для усиления своего знания латинской и греческой словесности»⁴⁵.

В том же году СПбДА выразила желание открыть у себя публичные лекции. Это было ответом на воскресные проповеди монаха-доминиканца Сояра, которые новизной тем и талантливым словом привлекали массу публики, в том числе образованной. Предусматривалось два варианта: либо сделать обычные академические лекции открытыми для всех желающих, либо проводить в академии силами профессорско-преподавательской корпорации особые публичные лекции. Однако ни один из этих вариантов не был одобрен свт. Филаретом, мнение которого запросил обер-прокурор гр. А. П. Толстой. Допускать посторонних на ординарные академические лекции — неприлично для академии и даже вредно, ибо будет отвлекать внимание наставников и студентов, особые же публичные лекции будут отнимать у них время, нанося ущерб существенным их обязанностям. Святитель

⁴⁴ Свт. Филарет выделил из сумм Московской кафедры 7795 руб. в год для МДА. Вслед за этим были повышены до таких же размеров ассигнования для окладов наставникам других академий.

⁴⁵ Собрание мнений. Т. IV. С. 575.

приводит и более вескую причину опасности подобной формы апологетики для духовных академий. Церковная школа, принимая на себя чужую форму дискуссии — публичное опровержение лжеучений «из природы», рискует быть неуспешной на чужом поприще «мирских» аргументов, «от природы». Убедить же неверующих одними свидетельствами Священного Писания невозможно, ибо от него они отказались. У богословской науки есть «своя кафедра» для обращения к миру — в церкви, «на что переносить к себе чужую кафедру»? Академию же следует беречь⁴⁶.

Это противление, казалось, не отвечало общему настрою тех лет: сломать замкнутость духовной школы, вывести богословскую науку из затвора, дать ответ на богословские вопрошания общества, продемонстрировать светской науке достойный уровень науки богословской, наконец, побороть многолетнюю застенчивость и молчаливость преподавателей и выпускников духовной школы, их отстраненность от образованного общества.

В это же время свт. Филарет благожелательно отнесся к учреждению в 1863 г. Общества любителей духовного просвещения, среди инициаторов которого было московское духовенство — выпускники МДА и других академий. Святитель нашел это дело «полезным и благопотребным» и ходатайствовал пред Св. Синодом⁴⁷.

Как можно объяснить эти ситуации? На это, видимо, было две причины. Первое: академии, по мнению свт. Филарета, особое богатство Церкви — они призваны решать богословские проблемы, встающие в церковной жизни. Духовное образование было наиважнейшим служением Церкви, и учащих, и учащихся, и не терпело никакого отвлечения. Для этого служения должно жить углубленно и сосредоточенно, под пристальным наблюдением священноначалия, не допуская внутрь себя светский дух и пагубную дерзость. Лишь в таком случае академии смогут служить опорой в решении насущных церковных проблем — организации миссии, просвещения народа, приходской жизни. К любым попыткам расширить задачи академий, изменить

⁴⁶ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 91. Л. 3–5 об.

⁴⁷ Собрание мнений. Т. V. Ч. 1. С. 438–440.

строй академической деятельности, внести новые идеи надо относиться с большой осторожностью. И второе: русская богословская наука в середине XIX в. была молода и неопытна. Прежде, чем выходить с миссией, пытаться искать пути распространения и популяризации богословского знания, она должна была накопить потенциал, усвоить и переработать православным сознанием лучшие достижения западного богословия, устояться в своих основных положениях, разработать методы, выработать свой язык.

Таким образом, деятельность свт. Филарета составила в истории духовных академий эпоху, которая оказалась основополагающей и для русского высшего духовного образования, и для русской богословской науки. В эти годы сформировался особый тип высшей школы, учебные планы которой сочетали богословское и классически-гуманитарное образование, основанное на чтении и толковании Св. Писания, с особой ролью философских наук и древних языков и исторической направленностью. При этом была выстроена иерархия наук, в которой богословие, являясь венчающим и структурообразующим, не подавляет, но придает внутреннюю осмысленность и верные ориентиры всем остальным наукам. Были заложены основные принципы высшего духовного образования, определено главное его предназначение — духовное служение и богословская образованность. Были поставлены ближайшие задачи русского богословия: усваивая и перерабатывая лучшие достижения западного богословия, развивать самостоятельные богословские исследования, в духе святоотеческого предания и православного понимания; осваивая научные методы разных школ и направлений, разработать православно-богословскую методологию, выработать русский понятийный аппарат и богословский язык; делать богословское учение ближе к употреблению в жизни, но не в смысле популяризации, а в смысле компетентного ответа на вопросы, которые ставит Русская Церковь перед своей высшей школой, и готовности выпускников духовной школы к деятельному просвещенному церковному служению.

При этом свт. Филарет показал и пути практического решения этих задач: создать все возможные условия, с одной стороны, для научной и педагогической богословской специализации

академических преподавателей и их совершенствования в этом направлении, с другой стороны, для стабильного, правильно построенного учебно-воспитательного процесса.

Как показал опыт последующих реформ, осуществленных в высшем духовном образовании (1869, 1884, 1910 гг.), основные идеи святителя оказались верными. Благодаря построению системы педагогической и научной специализации академических преподавателей во второй половине XIX — начале XX вв. удалось во многом реализовать замыслы устава 1814 г. о создании академий духовных наук. Недоучет же специфики духовной школы и богословия, как предмета научных занятий, вносил в жизнь духовных школ диссонанс, а в начале XX в. привел к кризисным явлениям.

Святитель Филарет задал тон процессу развития духовной школы, который сохраняет свою важность донныне. Процесс богословского образования сложен и ответственен, и сам по себе таит много опасностей. Это требует полной отдачи сил, полного внимания и духовной настроенности академического начальства, всей корпорации, каждого студента. Лишь в этом случае высшая духовная школа сможет стать для Русской Церкви тем «вертоградом наук духовных», становлению которого всеми силами содействовал святитель Филарет.